

— Господа, протестуюсь, будьте свидѣтелями! Я къ губернатору жалобу подамъ.

Приставъ извинялся, отзывался невѣдѣніемъ метаморфозы Д. И.

Не тутъ-то было: прошеніе губернатору было подано, а тотъ, сдѣлавъ приставу выговоръ, приказалъ ему впередъ съ благородными дамами и вести себя благородно: кулаки и ругань оставить для мѣщанокъ и во что бы то ни стало помириться съ маіоршей. Дѣлать нечего—пришлось приставу итти на поклонъ къ маіоршѣ. Она его прежде отчитала, а затѣмъ, взявши съ него контрибуцію отпустила съ миромъ.

Говорять, что послѣ такого казуса, приставъ, появляясь на базарѣ прежде всего осматривался и, увидя воза маіорши отходилъ чуть не за версту.

Въ доброе, еще не очень чтобы старое времячко, этакъ полвѣка назадъ, чиновникъ губернаторской канцеляріи или губернскаго правленія, получивъ, конечно, по протекціи мѣсто станового пристава, становился полновластнымъ господиномъ своего стана и вытворялъ въ немъ что было его душенькѣ угодно.

„Мой отецъ (разсказъ сына) П. П.—да его пожалуй еще кое-кто въ Курскѣ помнитъ, занималъ мѣсто станового пристава въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Чего, чего только онъ не вытворялъ. Драть, бить и брать—былъ его девизъ. Съкъ перваго попавшагося подъ руки помѣщика, священнослужителя, а крестьянъ иногда засѣкалъ. Были и такіе случаи, что крестьянинъ, убѣгая, попадалъ въ рѣку. Взяткокъ бралъ много: когда бывало возвращался съ объѣзда стана, то вслѣдъ еще на дворъ къ намъ въѣзжалъ обозъ со всякой всячиной: свиньями, птицей, масломъ, яйцами, мукой, зерномъ. Серебряными рублями и золотыми, всегда карманы у него были полны. Можетъ-быть кто подумаетъ, что все это шло на семейство и они благодушествовали—ничуть не бывало. Мать моя для содержанія меня и брата моего въ Курскѣ, гдѣ мы воспитывались на неотложныя нужды семейства посредствомъ ключей пользовались кой-чѣмъ; остальное же, все награбленное отцомъ, шло въ Курскъ на прикрытіе уголовныхъ дѣлъ, чинимыхъ отцомъ. Когда, по приказу Курскаго губернатора, отецъ вышелъ въ